

С.Г. НОВИКОВ
(Волгоград)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРЯДУЩЕГО ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

*Рассматривается влияние глобального социокультурного транзита на целеполагание российского образования. Утверждается, что отечественная система целенаправленной инкультурации должна быть нацелена на формирование *homo creator*'а, конститутивным качеством которого выступает стремление к деятельности, мотивируемой внутренним, пост(над)экономическим интересом.*

Ключевые слова: общество знания, субъект транзита, *homo economicus*, *homo creator*, готовность к творчеству.

На границе II–III тысячелетий человечество (а вернее, пока что его «передовые отряды») взбирается на новую вершину своего развития – стадию, именуемую в науке постиндустриальным (постэкономическим / информационным / постмодерновым) обществом. Его сущностной чертой является вытеснение человека из непосредственного процесса производства, замена искусственной, биоавтоматической системой. Исходя из этого, мы имеем все основания именовать данный социум *обществом знания*, поскольку главным ресурсом его развития становятся уже не традиционные факторы (земля, труд, капитал), а *знание и информация*. В данном обществе, как отмечалось в докладе ЮНЕСКО, «владение областью нематериального приносит все больше стратегических козырей и, следовательно, больше власти над областью материального» [18, с. 47].

Указанный глобальный социокультурный транзит совершается в ситуации острой конкуренции, задаваемой наличной формой глобализации. Иными словами, объективный процесс интернационализации социально-экономической, политической, культурной жизни осуществляется таким образом, что его результаты в значительной мере используются в ин-

тересах *части* человечества, обрекая не попавших в «число избранных» к скатыванию в «гетто до-постиндустриального бытия» [6]. И оказаться в гигантском Slumland'e – мире отсталости и нищеты – грозит тем странам, которые не смогут «оседлать» историю, создав почву для выращивания на своей территории общества знания.

Понятно, что в создавшихся условиях российскому образованию суждено сыграть судьбоносную роль в сохранении страны в качестве ключевого игрока на «мировой шахматной доске». Ведь система целенаправленной инкультурации как раз и предназначена для того, чтобы формировать молодые поколения в соответствии с потребностями общества. А последние заключаются сегодня, прежде всего, в пестовании *субъекта транзита* – личности, способной обеспечить выход России на новую траекторию развития, которая не только сохранит страну как *инаковость*, уникальный социокультурный организм, но и создаст возможности для раскрытия природного потенциала ее граждан.

В этой связи закономерно встает вопрос об облике желаемой личности. Отвечая на него, некоторые ученые-гуманитарии пишут о том, что это должен быть «человек экономический». Данная позиция выглядит внешне привлекательной, т.к. *homo economicus*, будучи лишенным таких черт, как «обломовщина» и «маниловщина», обладает способностью «к рациональному расчету издержек и доходов», стремлением «получить как можно более высокую прибыль при имеющихся доступных ресурсах и средствах производства», «свести к минимуму риск, который неизбежен в экономической деятельности», постоянным желанием «улучшить свое благосостояние» и др. Его главным мотивом является полезность [13, с. 194; 7, с. 374].

Однако установка российского образования на формирование *homo economicus*'а была бы, с нашей точки зрения, *стратегической ошибкой*. Ведь *такой* человек в принципе не способен объединяться с другими во имя *общих, неутилитарных* целей. Нравственное поведение обладает для него «ценностью в той

мере, в какой приносит экономическую выгоду», а честность и умеренность являются добродетелями лишь в случае, если «выступают гарантами кредитоспособности и финансовой состоятельности индивида» [16, с. 104]. Правда, лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Беккер пишет, что *homo economicus* может руководствоваться как эгоистическими, так и альтруистическими мотивами [11, с. 131]. Согласившись с этим, заметим, что субъект, который строит «свои планы и действия, исходя из принципа получения максимальной личной выгоды» [7], все же не в состоянии избавиться от ощущения себя и других как товара. Более того, *homo economicus* прямо полагает, что если «качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него *нет вообще* никаких качеств» [17, с. 130]. В силу этого человек экономический легко становится жертвой крайней формы товарного фетишизма, когда фетишем делаются даже не сами вещи, а их бренды (освобожденные от «сущности и ценности» [4]). Можно сказать, что у *homo economicus* реальность подменяется симулякрами [5].

Исходя из вышеказанного, полагаем, что избрание в качестве стратегической цели российского образования формирование *homo economicus* будет означать наше следование модели человека *минувшей* индустриальной эпохи (модели эффективной, но *уходящей в прошлое* на самом Западе).

Есть ли альтернатива данной модели? Да, она прописана в самом общем виде в трудах мыслителей-гуманистов XIX–XX вв. – Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, К.М. Кантора, К. Маркса, Э. Фромма. Ее научный потенциал определяется не тем, что она порождена мыслью выдающихся интеллектуалов и является кристаллизацией их идеалов. Ее ценность для современного образования заключается в том, что указанная альтернативная модель – более, чем продукт грез; она представляет собой ответ на *объективные* запросы общества.

В чем же заключаются эти запросы? Если отвечать коротко, то можно сказать так: в появлении человека, способного использовать уникальный шанс и избежать страшной угрозы. Под уникальным шансом мы понимаем те возможности, которые открываются постиндустриальным (постпроизводительным) обществом. Имеется в виду тот факт, что на данном этапе социокультурного развития у человека, удовлетворившего свои базовые потребности (в куске хлеба, крыше над головой) и освоив-

дившегося (благодаря искусственной биоавтоматической системе) от тысячелетнего «проклятия» – труда, *впервые* в истории возникает реальная возможность заняться тем, что отличает *homo sapiens* от животного – творчеством (деятельностью, реализующей *внутренние*, а не внешние мотивы) [12, с. 190; 8, с. 32–34]. Он наконец может свободно избирать себе формы и виды деятельности (без особой оглядки на экономическую выгоду), а также посвящать свой досуг (темпоральные границы которого расширяются) тому, к чему имеет *склонность*, тому, что *интересно*.

Однако рост главного богатства человека – свободного времени (К. Маркс) – порождает опасность деградации. В самом деле, досуг может стать не временем выращивания цветов, сочинения стихов, чтения книг, научных штудий, а временем ничегонеделания, ухода в виртуальную реальность, в мир наркотических иллюзий и т.п.

Гарантом того, что в России не произойдет нисхождение человека до животного состояния может стать ориентация ее системы образования на формирование массового социального типа личности, обозначаемой нами как *homo creator*. Его отличительной особенностью выступает *внутренняя* мотивация деятельности, носящая *пост(над)материалистический* характер. По замечанию Р. Инглхарта, указанная мотивация переносит акцент сознательной активности человека с материального интереса на возможность самовыражения [19].

Конститутивными качествами *homo creator* являются:

- готовность «отказаться от всех форм обладания ради того, чтобы в полной мере *быть* (т.е. проявлять сознательную активность, способности и таланты. – *С.Н.*)»;
- отказ от вещиизма;
- радость, получаемая от служения людям;
- любовь и уважение к жизни во всех ее проявлениях, понимание, что священна жизнь и все, что способствует ее расцвету, а не вещи, не власть и не все то, что мертво;
- свобода не как произвол, а как возможность быть самим собой;
- чувство неудовлетворенности любой косностью и омертвлением;
- тяготение «к неисчерпаемому и вечному лону сотворческого авторства»;
- стремление «разыскать и обрести самого себя более подлинного, нежели тот, кого он первоначально в себе застал»;

– готовность к самоочищению «через поражение своего несовершенства и ограниченности: перед лицом торжествующих Других – гораздо более совершенных» [1; 10; 17].

Разумеется, *homo creator* должен уметь оперировать главным ресурсом становящейся социокультурной реальности – *знанием*, которое не тождественно *данным* (тому, что поступает от сенсоров) и *информации* (организованным и структурированным данным, помещенным в контекст и наделенным смыслом). Знание представляет собой продукт *активного* процесса *интерпретации* полученного человеком из внешнего мира, продукт, позволяющий делать прогнозы и принимать решения [3, с. 55–56]. Заметим, что работа со знанием в грядущем обществе знания приобретает особенности, отсутствовавшие на прежних этапах социокультурной эволюции. Ныне оно постоянно фальсифицируется (т.е. проверяется, уточняется, обновляется, отменяя прежние истины). Благодаря этому оно получает, как отмечают Г. Бехманн, Х. Вильке, «импульсы к собственному улучшению», порождая, в свою очередь, «необходимость в еще большем знании» [Там же, с. 53, 51].

Следовательно, *homo creator* должен обладать творческим мышлением, способным 1) продуцировать новые идеи, образы, 2) увидеть привычное с неожиданной стороны, а также отличающимся а) критичностью, б) открытостью накопленной человечеством культуре, в) способностью к диалогу.

По каким критериям мы сможем определить формирование у личности такого качества, как креативность? Разделяя позицию А.И. Попова и С.А. Иванова, выделим такие показатели, как беглость (количество идей, возникающих у индивида в единицу времени); оригинальность («способность производить необычные идеи»); восприимчивость («чувствительность к необычным деталям, противоречиям и неопределенности»); метафоричность («склонность к символическому, ассоциативному мышлению, умение увидеть в простом сложное, а в сложном – простое») [14, с. 7].

Конечно, прежде всего российскому образованию надлежит формировать у обучающихся *готовность к творчеству* – predisposition (желание и способность) к действиям, мотивируемым *неэкономическим* интересом и нацеленным на поиск *нового*. Опираясь на исследования психологов (Д. Брунера, Н. Тернстоуна, М. Смита и др.), выделим в данной готовности пять элементов:

– ценностно-смысловой (принятие творчества в качестве фундаментального мотива жизнедеятельности);

– когнитивный (освоение представлений и мнений, сложившихся в науке в результате познания феномена, ставшего предметом интереса субъекта деятельности);

– эмоциональный (положительные эмоции и чувства, связанные с предметом творчества и собственно творческой деятельностью);

– поведенческий (владение способами реализации эвристической деятельности);

– рефлексивный (способность оценивать собственную подготовку к эвристической деятельности, творчеству, степень соответствия своих действий принятой цели).

Понятно, что формирование данной готовности не может осуществляться автономно. Оно должно строиться на включении личности «во все возможные, явные и неявные воспитывающие связи, в объективные воспитывающие отношения, отношения духовного родства и взаимответственности – сопричастности всех каждому и каждого всем» [2]. Благодаря этому молодых людей будет вести по жизни «не интерес, а преданность, самопосвященность», они будут открыты не просто диалогу, а полифонии [Там же]. Склонность к творчеству позволит им не бояться препятствий в поиске знаний, а встреча с противоречием будет служить «не поводом для истерики, а толчком к самостоятельной работе, к самостоятельному рассмотрению самой вещи, а не только того, что о ней сказали другие люди» [9, с. 168].

Разумеется, на пути к обществу знания мы не можем не использовать возможности самых разных структур: бесплатного и общедоступного образования, ориентированного не на достижение утилитарных целей (подготовку эффективных менеджеров, дилеров и «прочих мерчандайзеров»), но на формирование творческой личности; открытых сетей знаний (образовательных сайтов, электронных библиотек, ассоциаций со-творцов, дискуссионных площадок и пр.); инкубаторов «поводырей в будущее» (А.И. Неклесса) – индивидов, способных опознать неведомые для большинства перспективы.

Рискнем утверждать, что идея формирования *homo creator* а не может не найти поддержки прежде всего в учительском сообществе. Ведь сама «природа педагогической деятельности предполагает, что педагог изначально должен формироваться как автор, творче-

ский субъект, а не как исполнитель инструкций» [15, с. 6].

Резюмируем сказанное. Во-первых, вектором глобального социокультурного транзита является движение человечества к обществу знания. Во-вторых, данное обстоятельство превращает российское образование в гаранта сохранения России в качестве одного из ведущих игроков на мировой арене. В-третьих, стратегической целью российского образования является формирование не homo economicus'a (уходящей природы индустриальной эры), но homo creator'a, конститутивным качеством которого выступает стремление к деятельности, мотивируемой внутренним, пост(над)экономическим интересом. В-четвертых, во имя достижения данной цели необходимо использовать как формальные, так и неформальные структуры отечественного образовательного пространства, вдохновляя их идеей возвращения будущего в настоящее.

Список литературы

1. Батищев Г. Найти и обрести себя // *Вопр. философии*. 1995. № 3. С. 95–129.
2. Батищев Г. Три типа педагогики // *Учительская газета*. 1988. 14 апр.
3. Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // *Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр.* М., 2010. С. 39–65.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: КДУ, 2014.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
6. Бузгалин А.В. Свободное развитие личности или плен вещной и личной зависимости (Россия в глобальной экономике знаний: контексты и альтернативы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/599> (дата обращения: 01.05.2008).
7. Бурчикова Е.О. «Человек экономический»: традиции анализа и новации современности // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 12. С. 374–376.
8. Вильчек В.М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1993.
9. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Киев: Час-Крок, 2006. 2-е изд.
10. Кантор К.М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. Т. 1.: Общие проблемы. М.: Языки слав. культуры, 2002.
11. Комаровская Н.В. Эволюция «homo economicus» // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2016. № 1(46). С. 129–142.
12. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998.
13. Курков И.Л. Современный экономический человек // *Science Time*. 2014. № 7(7). С. 193–197.
14. Попов А.И., Иванов С.А. Истоки креативной экономики. Теоретические основы формирования инновационно-креативной экономики: переход от homo economicus к модели homo creator // *Креативная экономика*. 2009. № 5. С. 3–12.
15. Сергеев Н.К., Сериков В.В. Природа педагогической деятельности и субъектный мир учителя // *Человек и образование*. 2012. № 1. С. 4–8.
16. Сорочайкин А.Н. «Homo economicus» периода постиндустриального капитализма // *Основы экономики, управления и права*. 2012. № 3(3). С. 104–107.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
18. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знаний», *Unesco's World Report «Towards Knowledge Societies»*. Париж: UNESCO, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf> (дата обращения: 23.12.2017).
19. Inglehart R. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31. № 1–2. P. 130–146.

* * *

1. Batishhev G. Najti i obresti sebja // *Vopr. filosofii*. 1995. № 3. S. 95–129.
2. Batishhev G. Tri tipa pedagogiki // *Uchitel'skaja gazeta*. 1988. 14 apr.
3. Behmann G. Obshhestvo znaniya – transformacija sovremennyh obshhestv // *Konceptija «obshhestva znaniya» v sovremennoj social'noj teorii: sb. nauch. tr.* M., 2010. S. 39–65.
4. Bodrijar Zh. Prozrachnost' zla. M.: KDU, 2014.
5. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacija. Tula, 2013.
6. Buzgalin A.V. Svobodnoe razvitie lichnosti ili plen veshhnoj i lichnoj zavisimosti (Rossija v global'noj jekonomike znaniy: konteksty i al'ternativy) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/599> (data obrashhenija: 01.05.2008).
7. Burchikova E.O. «Chelovek jekonomiche-skij»: tradicii analiza i novacii sovremennosti // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2015. № 12. S. 374–376.
8. Vil'chek V.M. Proshhanie s Marksom (Algoritmy istorii). M.: Izd. gruppа «Progress» – «Kul'tura», 1993.
9. Il'enkov Je.V. Ob idolah i idealah. Kiev: Chas-Krok, 2006. 2-e izd.

10. Kantor K.M. Dvojnaja spiral' istorii: istorio-sofija proektizma. T. 1.: Obshhie problemy. M.: Jazyki slav. kul'tury, 2002.

11. Komarovskaja N.V. Jevoljucija «homo economicus» // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2016. № 1(46). S. 129–142.

12. Krasil'shnikov V.A. Vdgonku za proshedshim vekom: razvitie Rossii v XX veke s tochki zrenija mirovyh modernizacij. M.: ROSSPJeN, 1998.

13. Kurkov I.L. Sovremennij jekonomicheskij chelovek // Science Time. 2014. № 7(7). S. 193–197.

14. Popov A.I., Ivanov S.A. Istoki kreativnoj jekonomiki. Teoreticheskie osnovy formirovaniya innovacionno-kreativnoj jekonomiki: perehod ot homo economicus k modeli homo creator // Kreativnaja jekonomika. 2009. № 5. S. 3–12.

15. Sergeev N.K., Serikov V.V. Priroda pedagogicheskoy dejatel'nosti i sub#ektnyj mir uchitelja // Chelovek i obrazovanie. 2012. № 1. S. 4–8.

16. Sorochajkin A.N. «Homo economicus» perioda postindustrial'nogo kapitalizma // Osnovy jekonomiki, upravlenija i prava. 2012. № 3(3). S. 104–107.

17. Fromm Je. Begstvo ot svobody. Chelovek dlja sebja. M. ACT: ACT MOSKVA, 2006.

18. Vsemirnyj doklad JuNESKO «K obshhestvam znanij», Unesco's World Report «Towards Knowledge Societies». Parizh: UNESCO, 2005 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf> (data obrashhenija: 23.12.2017).

Strategic goal of Russian education in context of future society of knowledge

The article deals with the influence of the global sociocultural transition on goal-setting of Russian education. It is proved that the domestic system of targeted inculturation should be aimed at the formation of homo creator, the constitutional quality of which is the desire for activities motivated by the internal, post(over)economic interest.

Key words: *society of knowledge, subject of transition, homo economicus, homo creator, readiness to be creative.*

(Статья поступила в редакцию 29.12.2017)

А.Н. ВЫРЩИКОВ
(Волгоград)

ДИНАМИКА ПАТРИОТИЗМА В АКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Рассматриваются проявления патриотизма, развернутого во времени исторического процесса – как прошлое, настоящее и будущее. Именно соотношением этих форм времени определяется и «мера актуальности» патриотизма для данного общества и данной эпохи. В динамике патриотического процесса предлагается механизм освоения новых проблем общества, перехода от прошлого к настоящему через определенное будущее в пространстве патриотического осмысления и освоения реальности.

Ключевые слова: динамика патриотизма, модули социального времени (прошлое, настоящее, будущее), патриотическое пространство, символы, механизмы.

Реальным и признанным фактом является неравномерность проявления патриотизма в разные исторические периоды: от потенциального, как бы «дремлющего», состояния этот феномен и формы его выражения могут перейти к значительной активизации, в критические для общества ситуации охватывая всю сферу сознания, чувств и деятельности людей. Это значит, что патриотизм проявляется в обществе как его внутреннее свойство циклично: испытывая собственные подъемы и спады, увеличивая или снижая свое воздействие на жизнь общества.

Динамика патриотизма проявляется в форме его внутреннего времени, которое протекает неравномерно – то ускоренно, то замедленно. В этом плане подобная динамика соответствует степени деформации (реальной или возможной) бытия общества: чем более выражена эта деформация, а следовательно, и опасность для самого общества, тем больше активизируются патриотически-направленные процессы, и наоборот: в спокойные периоды существования общества мера проявления патриотизма несколько снижается.

Из этого вовсе не следует, что патриотический вектор в организации общественных процессов и отношений может вообще исчезать. Он существует постоянно как особая функция корректировки общественной системы, кото-